

ПРИБАВЛЕНИЕ

къ

ДУХОВНОМУ ВѢСТНИКУ

ГРУЗИНСКАГО ЭКЗАРХАТА.

1 сентября

№ 17

1899 года.

Поученіе въ день Воздвиженія честнаго и живото-творящаго креста Господня¹⁾.

Прот. Алексѣя Емельянова.

(О необходимости для каждаго изъ насъ христіанскаго крестопочинія).

«Слово крестное погибающимъ юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть (1 Кор. 1, 18)».

До принесенія на крестѣ голгоѣской жертвы крестъ считался самымъ позорнымъ орудіемъ смертной казни и употреблялся только для презрѣнныхъ рабовъ и самыхъ тяжкихъ преступниковъ. И потому, когда Господь Иисусъ Христосъ и св. апостолы предлагали народу *крестное ученіе*, то многіе стыдились даже стоять между слушателями такого Учителя, Который преподаетъ столь странное ученіе *о крестѣ*.

Высокое евангельское ученіе *о крестѣ* и въ наше время очень многимъ кажется по меньшей мѣрѣ противнымъ человѣческой природѣ. „Зачѣмъ данъ намъ этотъ крестный путь?—ропцетъ лжеименный

¹⁾ Изъ «Приложенія къ Руководству для сельскихъ пастырей» за августъ сего года.

разумъ: развѣ мы меньше любили бы Бога, если бы Онъ оставилъ наши сокровища, которыя Его рука невозвратно отняла у насъ? И на что Ему наше сердце, обливаемое кровію, угнетаемое страданіями? на что Ему наши слезы, наши силы, надломленные бѣдствіями? Если Богъ наказываетъ насъ за наши беззаконія, то почему же постигаетъ та же участь и людей самыхъ близкихъ къ Нему? Страдаетъ боговидецъ Моисей, не вошедшій въ обѣтованную землю; угнетается бѣдствіями Іаковъ, на долю котораго выпали дни *малы и злы*; бѣдствуетъ Давидъ, блуждающій по горамъ, убѣгая отъ преступнаго сына и обрызганный грязью Семея; терпитъ Даніиль, брошенный въ ровъ львиный; лютейшими скорбями одержимъ Павелъ, избранный сосудъ Божій, котораго вся жизнь представляетъ собою зрѣлище всевозможныхъ лишеній; кровію мучениковъ обогрена Церковь, и крестный путь всюду усыпанъ костями страдалцевъ за Христа“.

Такъ, братіе, поистинѣ слово *крестное погибающимъ юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть*. Правосудію Божію угодно было водрузить крестъ Христовъ на пути христіанина ко спасенію. Судъ Господа начинается съ Его собственного дома, съ Его любимыхъ чадъ и прямыхъ наслѣдниковъ Его Божественныхъ обѣтованій. Что же? Такъ и должно быть. Есть *правда на небеси*, гдѣ *истина Господня пребываетъ во вѣкъ*. Не надъ нами только грѣшными простерто небесное правосудіе: одинаково оно и для праведниковъ. Уплатить правосудію небесному земные долги—удѣлъ всѣхъ сыновъ Адама.

„*Праведники*,—говорятъ,—страдали“.—А развѣ Моисей не нарушилъ долга повиновенія Богу? Развѣ Давидъ не преступилъ заповѣдь о цѣломудріи? Развѣ Павелъ не былъ гонителемъ Христа?... Нѣтъ, всѣ мы—люди грѣшные; не исключая и праведниковъ, всѣ мы безотвѣтны предъ правосудіемъ Божіимъ и какъ предстанемъ предъ правосуднымъ Судіею въ своей ветхой грѣховной одеждѣ?—Пусть же здѣсь, на землѣ, остается эта ветхая одежда; пусть здѣсь, на землѣ, очистятся наши грѣхи посредствомъ *крестныхъ страданій* и омоются слезами раскаянія и сокрушенія!

Удовлетворяя правосудію Божію, крестоношеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть лучшее врачевство для грѣшной души. Люди опытные въ жизни духовной говорятъ, что, когда мы рѣшаемся вырвать изъ сердца закоренѣлыя страсти, тогда храмина души нашей является убранною, и въ чистомъ жилищѣ ея поселяется Самъ Богъ. Тогда вмѣсто горь-

каго чувства страданій, обыметь обновленное сердце крестоносца неизъяснимая сладость, водворится дивное спокойствіе, любовь къ Богу и ближнимъ. Это блаженное состояніе души истиннаго крестоносца выражаютъ слѣдующія слова Господа Иисуса Христа: „*иго Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Мѡ. 11, 30)“.

Возложимъ же, братіе, это благое и легкое иго на себя: гордость и гнѣвъ перемѣнимъ на кротость и смиреніе, самолюбіе—на любовь къ ближнимъ; своеволие и суетумдріе—на вѣру и послушаніе, пристрастіе къ богатству—на безкорыстіе и щедрость, излишество въ пищѣ и питіи—на воздержаніе и трезвость. При скорбныхъ пощещеніяхъ Божіихъ не будемъ малодушествовать, ниже роптать на Бога. Впрочемъ, Господь не возлагаетъ на насъ *Своего* великаго креста, но заповѣдуетъ взять каждому только собственный, сравнительно небольшой, крестъ. Если бы, напр., слѣпота пала на очи твои, то не ропщи на Господа, но, какъ Товія праведный, пребывай въ страхѣ Божіемъ. Если ты лишился супруги, чадъ, или богатства, не отвержай усть своихъ противъ Господа, но воздай ему благодареніе словами Іова: „*Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословено во вѣки* (Іов. 1, 21)“. Если будетъ нужно пострадать за имя Христово, то не скорби, а молись Богу, какъ ап. Павелъ и Сила въ Филиппахъ. А если тебѣ, христіанинъ, покажется и это бремя слишкомъ труднымъ, то приди ко кресту твоего Искупителя, припади къ подножію его, взгляни съ вѣрою и умиленіемъ на Распятаго, повѣдай Ему скорбь свою и скажи: „Господи! Ты возложилъ на меня бремя, облегчи его, мнѣ слишкомъ тяжело!“—и получишь облегченіе. Св. Церковь, молящаяся о скорбящихъ и озлобленныхъ, милости Божіей и помощи требующихъ, въ наше утѣшеніе и ободреніе, являетъ нынѣ намъ среди храма орудіе искупленія—честный и животворящій крестъ, говоря: „*зрите животъ вашъ на древъъ висящъ предъ очесы вашими и смѣ побѣждайте*“.—Аминь.

О Ч Е Р К И

по Грузинской церковной исторіи.

Предварительныя свѣдѣнія.

I.

§ 1. *Понятіе объ исторіи Церкви Грузинской* Исторія Церкви Грузинской (Иверской) имѣеть своимъ предметомъ изображеніе церковно-религіозной жизни грузинъ во всѣхъ ея проявленіяхъ. Грузинская церковная исторія касается: а) распространенія христіанства и утвержденія православія въ Грузіи въ связи съ вопросами о религіозныхъ войнахъ грузинскаго народа, имѣвшихъ своею прямою цѣлью защиту и сохраненіе христіанской вѣры, б) церковнаго управленія и церковной іерархіи Грузіи, в) религіозно-нравственнаго состоянія народа, г) грузинской духовной письменности, д) краткаго, по возможности, обстоятельнаго описанія жизни святыхъ Церкви Грузинской; е) жизни и дѣятельности благочестивыхъ грузинскихъ царей и царицъ, архипастырей и пастырей, христіолюбивыхъ иноковъ и инокинь, вельможъ и другихъ лицъ, потрудившихся на пользу Церкви и ж) христіанскихъ нравовъ и обычаевъ грузинскаго народа въ связи съ вопросами о грузинской церковной архитектурѣ, живописи и скульптурѣ и т. д.

§ 2. *Составъ Церкви Грузинской.* Въ составъ Церкви Грузинской въ цвѣтуція времена ея существованія входили грузины Иверіи (восточной Грузіи), Колхиды (Лазики или западной Грузіи), Месхетіи (Самцхе—Саатобаго, бывшей Турецкой Грузіи), Тао-Кларджетіи (нынѣшнихъ эзерумскаго, транезунтскаго и ольтинскаго округовъ), Кахетіи, Албаніи, Грузинской Арменіи (южной Грузіи, Ташира, Гугорка), Сванетіи, горныхъ частей Грузіи, а также православные обитатели собственно Абхазіи, Осетіи, части Черкесіи и Дагестана. Предѣлы Церкви Грузинской сокращались въ бѣдственныя времена Грузіи. Въ XI—XII вѣкахъ, въ эпоху расцвѣта гражданской и церковной жизни Грузіи, число православныхъ, входившихъ въ составъ Грузинской Церкви, простиралось до семи милліоновъ душъ обоого пола. Грузинская Церковь, когда ей благопріятствовали обстоятель-

ства, съ честью выполняла свою святую историческую миссію, возложенную на нее Провидѣніемъ, управляющимъ судьбами странъ и народовъ, — предписывать прочимъ малокультурнымъ племенамъ Кавказа гражданскіе и церковные законы и укрощать ихъ дикость вліяніемъ своего христіанскаго просвѣщенія и чрезъ свое посредство связывать ихъ съ Греціею, Палестиною и прочими странами Востока. Съ IV вѣка христіанской эры вплоть по XVIII вѣкъ Грузинская Церковь посылала къ горцамъ Кавказа самоотверженныхъ проповѣдниковъ слова Божія, обратившихъ ко Христу безчисленное множество горцевъ. Горцы Кавказа своимъ христіанскимъ просвѣщеніемъ до XIX вѣка главнымъ образомъ обязаны Грузинской Церкви, католикомъ которой управлялъ ихъ церковными дѣлами... Памятники грузинскаго православія сохранились по настоящее время на сѣверныхъ склонахъ Кавказскихъ горъ отъ береговъ Чернаго моря до Чечни. Они сохранились и въ языкѣ горцевъ Кавказа. Черкесы называютъ „крестъ“ грузинскимъ словомъ: „ჰვითა“ („джвари“), а „Богъ“ „ღვთა“ „Гѣта“, что происходитъ отъ грузинскаго слова: „Гѣта—еба“ („ღვთაჲსა“) „Божество“. Во многихъ мѣстностяхъ сѣвернаго Кавказа существуютъ развалины церквей и часовень, называемыя „килиса“, что весьма сходно съ грузинскимъ названіемъ церкви—храма „еклессія“, („ეკლესია“). Чеченцы *недѣлю* называютъ грузинскимъ словомъ: „квире“, *воскресеніе* называютъ—„квиренде“ (по грузински: „квиредге“), пятницу—*чиреске*, что напоминаетъ ея грузинское названіе—„пираскеви“, постъ у вѣхъ горцевъ называется чисто грузинскимъ именемъ: „мархва“... Помимо этого, многія другія церковно-религіозныя понятія у горцевъ Кавказа выражаются соотвѣтствующими грузинскими именами (терминами), что указываетъ на несомнѣнное вліяніе грузинъ на ихъ жизнь. Лезгины и другіе горцы Кавказа по настоящее время съ благоговѣніемъ посѣщаютъ многія грузинскія святыни (напр., храмы Алавердскій и Хирскій въ Кахетіи). Горцы не подавили въ себѣ окончательно высокихъ отпечатковъ вѣры Христовой, соблюдая донинѣ посты, торжествуя жертвоприношеніями день св. пророка Іліи, употребляя красныя яйца во дни воскресенія Спасителя и т. д.

§ 3. *Православный характеръ жизни грузинскаго народа.* Грузія—страна православно-христіанская, и вся жизнь ея носитъ на себѣ глубокую печать несомнѣннаго христіанскаго вліянія. Кто хочетъ основательно ознакомиться съ историческою жизнью Грузіи вообще, тотъ

долженъ сперва изучить ея церковную исторію. Исторія Грузіи опредѣляется исторіею въ ней христіанства: оно главное начало церковнаго и гражданскаго развитія грузинъ. Со дня принятія христіанства грузинъ полюбилъ православіе, слившееся съ грузинскою народностью; онъ сроднился съ нимъ и черпалъ изъ его сокровищницъ лучшіе идеалы своей жизни. Вся многовѣковая жизнь грузинскаго народа — одна непрерывная, постоянная борьба съ внутренними и внѣшними врагами православія. Не даромъ говоритъ одинъ изъ русскихъ писателей, Е. Л. Марковъ, что *«православный крестъ становился отечествомъ грузина, стѣнлою его народности, защита христіанства — задачею всей его исторіи. Грузинскій народъ — это истинный народъ — крестоносецъ»*. Вся жизнь его дѣлилась между молитвою и кровавымъ боемъ съ Исламомъ. Если христіанскій крестъ не былъ вышитъ на плечѣ его мантии, то онъ былъ за то неизгладимо врытъ въ самое сердце народа». Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на всѣ историческія бѣдствія, грузины сохранили во всей чистотѣ и полнотѣ врученное имъ вселенскою Церковью святое православіе. На знамени жизни Грузинской Церкви были какъ бы вырѣзаны золотыми буквами слѣдующія глубокосодержательныя слова, высказанныя отцами Русско-Урбнисскаго собора, созваннаго грузинскимъ царемъ св. Давидомъ Возобновителемъ 1103 года: *„Не измѣнимъ тебѣ, родившая насъ въ святости каволическая Церковь, и не предадимъ тебя, наша похвала, православіе. И не были мы его предателями послѣ того, какъ удостоились познать его: объ этомъ свидѣлствуютъ истина“*.

§ 4. *Значеніе Церкви Грузинской для православія вообще.* Грузины приняли христіанство приблизительно въ ту эпоху, когда былъ изданъ римскимъ императоромъ Константиномъ Великимъ миланскій эдиктъ (313 г.), признававшій христіанскую религію господствующею религіею въ Имперіи. Грузины съ тѣхъ поръ болѣе шестнадцати столѣтій сохраняютъ всѣ догматы и обряды православія свято и неизмѣнно. Грузинская Церковь вмѣстѣ съ Церковью Русскою является въ настоящее время какъ самая древняя свидѣтельница и исповѣдница православія и самое лучшее доказательство его истинности. Церковь Грузинская, по словамъ московскаго митрополита Филарета, со времени своего основанія (IV в.) оставалась донинѣ церковью особенною и независимою отъ другихъ церквей. Она своимъ положе-

нѣмъ была устранена отъ несогласій, происходившихъ между Греческою и Римскою церквами. Между тѣмъ донинѣ Грузинская Церковь сходна съ Греческою. „Какъ можно изъяснить сіе сходство, если не тѣмъ, что такова была вся древняя Церковь, въ которой они имѣютъ общее свое начало“?

§ 5. *Значеніе христіанства въ жизни грузинскаго народа.* Христіанство создало Грузію; оно оживляло, ободряло, укрѣпляло ее въ тяжелыя и плачевныя минуты ея многострадальной жизни. Если грузины до сихъ поръ сохранили свой родной языкъ и свою національность, этимъ они, безспорно, обязаны православною христіанскою религіею. Христіанство соединяло въ одно неразрывное церковно-гражданское цѣлое различныя отрасли грузинскаго племени и давало имъ „устойчивость и личное существованіе въ хаосѣ племенъ, языковъ и върваній Кавказа“. Христіанство вліяло на все стороны жизни грузинъ. Оно ихъ познакомило съ безкорыстною и беззавѣтною любовью къ Богу и ближнимъ; оно же облагородило понятія ихъ о семейной, общественной, государственной и международной жизни. Христіанство мало-по-малу ослабляло и уничтожало среди грузинъ суевѣрія, языческіе нравы, обычаи и другія узаконенія и предписанія языческой морали. Грузинская литература подверглась сильному вліянію христіанскихъ началъ: она имѣетъ главнымъ образомъ богословскій и нравственно-аскетическій характеръ. Вліяніе христіанства сильно отразилось на развитіи и расцвѣтѣ искусствъ, что выразилось въ величественныхъ грузинскихъ памятникахъ церковной архитектуры, скульптуры и живописи, встрѣчающихся не только въ Грузіи, но далеко за ея предѣлами, въ Палестинѣ, Антиохіи, на Синаѣ, на Афонѣ, въ Македоніи и т. д.... Христіанство подчинило своему вліянію и грузинское гражданское законодательство. Христіанство связывало Грузію тѣснѣйшими узами братства, единства и духовнаго общенія съ православною Греціею, весьма много безкорыстныхъ жертвъ принесшею для ея благоденствія. *Всѣмъ тѣмъ, чѣмъ Грузія можетъ гордиться предъ челоуѣчествомъ, она обязана христіанству.* Вотъ что говоритъ о значеніи христіанства для грузинъ Гавріилъ, епископъ Имеретіи: „Грузины съ самоотверженіемъ защищали свою вѣру и много жертвъ принесли для ея сохраненія. Турки, персы, сарацины, лезгины, черкесы въ продолженіе многихъ вѣковъ терзали, истребляли, опустошали, переселяли нашихъ предковъ, но все таки не

могли подавить и истребить горсти грузинскаго народа. *Сила, сохранившая грузинъ, заключалась съ самой вѣрн христіанской, которую они полюбили и которая, такъ сказать, превратилась въ ихъ плоть и кровь.* Они не только отстояли ее, но и свое существованіе. Оживляемые и одушевляемые ея благодатнымъ вліаніемъ, они изобрѣли для своего языка буквы и письменность, перевели на свой языкъ Священное Писаніе и творенія св. отцевъ, установили Богослуженіе и насадили зачатки образованія. Среди другихъ племень Кавказа, не утвердившихся въ христіанствѣ, не только не появилось никакихъ признаковъ образованія и гражданскаго благоустройства, но напротивъ того, они остались въ дикомъ, первобытномъ состояніи. *Безъ вѣры Христовой исчезъ бы съ лица земли и древній языкъ Иверіи“*

§ 6. *Цѣль изученія грузинской церковной исторіи.* Научно-историческое знакомство съ церковною жизнью Грузіи во вѣсхъ ея проявленіяхъ, насколько это возможно въ настоящее время, представляетъ чрезвычайный интересъ для каждаго православнаго. Частіе, цѣль изученія грузинской церковной исторіи въ духовныхъ Семинаріяхъ Грузіи—внушить питомцамъ ихъ благоговѣніе къ православнои вѣрѣ и возбудить въ нихъ непреодолимое желаніе, какъ въ будущихъ пастыряхъ и народныхъ учителяхъ, быть подобными по вѣрѣ и благочестію древнимъ грузинамъ вообще и древне-грузинскимъ пастырямъ въ особенности. Такой цѣли изученія грузинской церковной исторіи соотвѣтствуетъ и подборъ историческаго матеріала въ настоящихъ очеркахъ. Въ составъ этого матеріала входитъ краткое и, по возможности, обстоятельное описаніе жизни грузинскихъ святыхъ, а также благочестивыхъ царей, архипастырей, пастырей, подвижниковъ, духовныхъ писателей, князей и вельможъ. Въ этотъ матеріалъ входитъ и краткая характеристика лучшихъ памятниковъ грузинской духовной письменности, а также нѣкоторыхъ произведеній свѣтской грузинской словесности, проникнутыхъ началами христіанства. Въ этотъ очеркъ вошли и нѣкоторыя свѣдѣнія о событіяхъ изъ гражданскаго исторіи Грузіи въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они нужны для лучшаго уясненія и точной обрисовки тѣхъ или другихъ явленій ея церковной жизни.

§ 7. *Дѣленіе грузинской церковной исторіи на періоды.* Исторію Церкви Грузинской, по нашему мнѣнію, можно раздѣлить на три періода. Первый періодъ простирается отъ принятія грузинами христі-

анства до воцаренія Баграта III и основанія Аеонскаго Иверскаго монастыря, а именно до 980 года. За это время Грузинская Церковь успѣла сформироваться и стать особою автокефальною церковью. Періодъ этотъ заканчивается тогда, когда цари изъ абхазскихъ Багратидовъ вдохнули новыя и лучшія начала въ жизнь грузинскаго народа и поставили его въ одинъ уровень съ тогдашними передовыми народами. Къ тому же времени грузинское православіе окончательно восторжествовало надъ всеми ересями и заблужденіями Востока, по временамъ волновавшими спокойствіе Грузинской Церкви. Въ продолженіе всего этого періода Грузинская Церковь находилась сначала въ борьбѣ съ персами—огнепоклонниками, а затѣмъ главнымъ образомъ съ арабами, желавшими уничтожить въ ней христіанство и утвердить свои вѣроученія. Сообразно съ этимъ, первый періодъ грузинской церковной исторіи можно подраздѣлить на два отдѣла. Первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ исторію Церкви Грузинской въ эпоху ея борьбы съ персами (съ IV—по VII в.), а второй—исторію той же церкви въ эпоху ея борьбы главнымъ образомъ съ арабами.

Второй періодъ грузинской церковной исторіи простирается съ 980 года по 1442 годъ. Періодъ этотъ можно раздѣлить на два отдѣла. Начало второго періода и его перваго отдѣла—славное царствованіе благочестиваго царя Баграта III и конецъ его—смерть царицы Русудани, видѣвшей нашествіе монголовъ на Грузію (980—1247 г.). Въ это время Грузинская Церковь достигла полнаго расцвѣта, наслаждалась миромъ и тишиною. XI—XII вѣка называются золотыми вѣками гражданской и церковной жизни Грузіи. Второй отдѣлъ начинается съ 1247 года и продолжается по 1442 годъ. За это время жизнь грузинскаго народа полна бѣдствій и несчастій подъ невыносимымъ игомъ монголовъ. За это время было два-три счастливыхъ царствованія, благопріятныхъ для Церкви Христовой, но счастливые годы часто смѣнялись несчастными годами. Въ довершеніе всѣхъ золъ и бѣдствій, 1442 года грузинское царство раздѣлилось на три царства: Карталинское, Кахетинское и Имеретинское и пять княжествъ: Мингрельское, Гурийское, Абхазское, Сванетское и Месхійское (Самцхе-Саатабаго). Вслѣдъ за симъ, въ 1445 году, Грузинская Церковь раздѣлилась на двѣ самостоятельныхъ церкви—на церковь восточной Грузіи (Карталиніи и Кахетіи) и на церковь западной Грузіи (Имеретіи), что повлекло за собою значительный упадокъ вѣры и благо-

честія въ Грузіи. Съ этимъ временемъ совпадаетъ появленіе на Востоцкѣ опасныхъ враговъ христіанства турокъ — османовъ, разрушившихъ Константинополь въ 1453 году, и усиленіе Персіи.

Третій періодъ грузинской церковной исторіи простирается отъ 1442 — по 1811 годъ. Періодъ этотъ ознаменованъ насильственнымъ совращеніемъ древней Месхетіи (всей юго-западной Грузіи) въ мусульманство. Турки — османы, подчинивъ своей власти эту страну, искоренили въ ней мечемъ и огнемъ христіанство для того, чтобы окончательно слить обитателей ея съ мусульманскимъ населеніемъ Турецкой имперіи. За это время черкесы, лезгины и другіе горцы Кавказа отпали отъ христіанства и сдѣлались кровожадными врагами христіанской Грузіи, окруженной со всѣхъ сторонъ мусульманскими народами. Турки, персы, лезгины, черкесы, чеченцы и другіе враги христіанства грабили и опустошали Грузію и препятствовали свободному развитію ея церковной жизни. Несчастіемъ Грузіи воспользовались католическіе миссіонеры, усилившіе свою пропаганду въ Грузинской Церкви, слабые члены которой по вѣрѣ и соврацались въ латинство. Труды и подвиги отдѣльныхъ знаменитыхъ царей и архипастырей, въ родѣ царей Симона I, Вахтанга VI, Теймураза II, Ираклія II и католикосовъ Доментія III и Антонія I, не могли излечить глубокихъ историческихъ ранъ грузинскаго народа. Къ концу XVIII в. положеніе Грузіи было безвыходное: она сама, собственными силами, безъ дѣйствительной помощи извнѣ, не могла спасти ни свою народность, ни свою православную вѣру. Послѣ погрома Константинополя и паденія Византійской имперіи, Русское государство приняло на себя святую роль защитника судебъ православія на Востоцкѣ. Съ XVI вѣка грузинскіе цари и владѣтели просили русскихъ царей о защитѣ православной вѣры и грузинскаго народа отъ магометанскаго фанатизма. Въ 1783 году католикосъ верхней (восточной) Грузіи получилъ званіе члена Сѣнода, по трактату, заключенному въ означенномъ году между грузинскимъ царемъ Иракліемъ II и русскою Императрицею Екатериною II въ г. Георгіевскѣ (сѣверный Кавказъ). Послѣдній католикосъ нижней Грузіи (западной) Максимъ II скончался въ г. Кіевѣ въ 1795 году. Послѣ его смерти церковь нижней Грузіи (Имеретинская) подчинилась католикосу верхней Грузіи Антонію II, члену Святѣйшаго Сѣнода. Послѣ 1795 года Грузинская Церковь имѣла во главѣ одного католикоса вплоть до 1811 года. Въ

1811 году, по Высочайшему Указу, было отмѣнено въ Грузіи католикосство (котоликатъ) и основано экзаршество. Съ 1801— по 1820 г. всѣ области съ православнымъ грузинскимъ населеніемъ окончательно вступили въ составъ Россійской имперіи. Грузинская Церковь подъ мощнымъ покровомъ Россіи навсегда освободилась отъ опасностей и бѣдствій со стороны враговъ христіанства. Преосвященный Гавріиль говоритъ, что *грузинская страна и племена, ее населяющія, пользуются тишиною и благоденствіемъ. Грузія, по присоединеніи къ Россіи, какъ бы воскресла изъ мертвыхъ и снова расцвѣтла подъ благотѣльнымъ управленіемъ русскихъ государей.* Такія благодарила Грузіи *православная вѣра*, ради сохраненія которой русскій Государь принялъ Грузію подъ свое покровительство.

Преподават. Тифлисск. духовн. Семинаріи Ил. Перадзе.

(Продолженіе будетъ).

Мысли пастыря о нѣкоторыхъ изреченіяхъ св. ап. Павла, относящихся къ пастырскому служенію ¹⁾.

Но здѣсь намъ приходится на память довольно избитое мнѣніе, раздѣляемое и нѣкоторыми изъ духовенства и изъ среды общества свѣтскаго, не совсемъ равнодушнаго къ явленіямъ собственной духовной жизни,—мнѣніе, имѣющее якобы основаніе въ современной наличности,—о томъ, что современное общество мучится такими запросами, разрѣшенія которымъ нельзя искать въ святоотеческихъ твореніяхъ; говорятъ, что, несмотря на существующіе у насъ переводы отеческихъ твореній вообще и Златоуста въ частности, эти творенія находятъ себѣ однако очень ограниченный кругъ читателей; даже говорятъ, что если бы возсталъ теперь (о, если бы возсталъ!) Златоустъ съ его положительнымъ изъясненіемъ христіанскаго вѣро- и нраво-ученія, то его послушали бы только изъ любопытства, а затѣмъ и оставили бы его. Правда ли это? Очень и очень сомнительно. Вѣдь, во-первыхъ, всѣмъ намъ извѣстно, что новое изданіе (пол-

¹⁾ См. № 16 „Духовн. Вѣстн.“ за 1899 годъ.

ное) твореній св. І. Златоуста, предпринятое С.-Петербургской Духовной Академіей, встрѣчено съ особою радостью и міромъ духовнымъ и свѣтскимъ обществомъ, что изданія святоотеческихъ твореній при Московской Академіи давно пользуются также немалымъ вниманіемъ читающей духовную литературу публики, что изъ духовныхъ журналовъ особеннымъ вниманіемъ любителей духовно-правственнаго чтенія пользуется „Душеполезное Чтеніе“ благодаря тому, что тамъ въ каждомъ выпускѣ помѣщается непременно что либо изъ произведеній подвижниковъ нашей отечественной Церкви (Еп. Теофана, Еп. Іереміи, о. Амвросія Оптинскаго), стоящихъ въ своихъ произведеніяхъ на почвѣ святоотеческой. А во вторыхъ, если и признать за горькую истину то, что творенія свв. отцовъ вообще не пользуются тѣмъ вниманіемъ, какое должно быть къ этимъ великимъ произведеніямъ христіанской письменности, то отсутствіе интереса къ святоотеческимъ твореніямъ не объясняется ли тѣмъ, что некому пробудить въ современномъ обществѣ интересъ къ твореніямъ свв. отцовъ? Много ли насчитывается у насъ пастырей—проповѣдниковъ, которыми было бы основательно усвоено святоотеческое міровоззрѣніе? А проведеніе (черезъ проповѣди, примѣры и разговоры) въ жизнь святоотеческихъ мыслей не составляетъ ли очень и очень рѣдкое явленіе? Если у самихъ пастырей—и въ большомъ количествѣ—отсутствуетъ положительно интересъ къ святоотеческимъ твореніямъ, то чего же требовать отъ пасомыхъ? Во всякомъ случаѣ сознаніе этого ни къ чему другому не обязываетъ пастырей, какъ къ тому же, къ чему поведетъ его и само внутреннее чувство (при указанномъ отношеніи къ проповѣдничеству), т. е. къ возможно тщательному изученію твореній свв. отцовъ и учителей Церкви, къ смиренному преклоненію предъ тою глубиною христіанскаго міровоззрѣнія, которая заключается въ изслѣдованіяхъ его великими отцами и учителями Церкви,—а черезъ это и къ проведенію въ жизнь святоотеческихъ воззрѣній. Но, быть можетъ, дѣйствительно потребности времени таковы, что онѣ требуютъ особаго вида проповѣди,—не изъяснительнаго характера, быть можетъ, духовныя нужды нашихъ пасомыхъ таковы, что насытить ихъ не можетъ нравоучительная проповѣдь?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ, естественно, распадается на двѣ части: съ одной стороны, здѣсь надо имѣть въ виду духовныя нужды тѣхъ пасомыхъ, которые слушаютъ проповѣди и такъ или иначе ин-

тересуются ими; съ другой стороны, должно обращать вниманіе на характеръ тѣхъ лжеученій, которыя волнуютъ нашу Церковь и противъ которыхъ пастырь Церкви непремѣнно долженъ выступать въ своихъ проповѣдяхъ, какъ защитникъ церковной истины. Постараемся сдѣлать и то и другое.

Что представляетъ собою наличность слушателей нашего церковнаго проповѣдничества?

Кажется, спору быть не можетъ, что искренніе слушатели нашихъ церковныхъ проповѣдей относятся къ тому разряду христіанъ, которые въ словѣ пастыря ищутъ именно *слова жизни*, хотятъ найти пищу для своихъ духовныхъ запросовъ въ области христіанскаго правоученія, — области, наиболѣе сродной прирожденнымъ чертамъ характера русскаго народа. Кто наблюдалъ за составомъ слушателей церковнаго проповѣдничества въ столичныхъ ли городахъ, въ губернскихъ, или уѣздныхъ, тотъ, безъ сомнѣнія, знаетъ, что простой народъ вездѣ составляетъ большую часть слушателей, которая искренно вѣритъ и воспринимаетъ каждую мысль проповѣдника, обливаясь слезами, если проповѣдникъ воодушевленъ жаромъ слова Божія; не говоримъ ничего о нашихъ деревняхъ, гдѣ, конечно, простой народъ исключительно слушаетъ слово Божіе, изъясняемое въ церкви, но и въ городахъ онъ же составляетъ если не большинство, то во всякомъ случаѣ добрую половину; образованные же классы общества часто, даже не выслушавъ проповѣди, даютъ о ней свое сужденіе, уходя изъ церкви, лишь только покажется проповѣдникъ, или, оставаясь по обязанности въ церкви, являются равнодушными слушателями, не желающими приложить хотя немного вниманія къ проповѣдуемому, считая это для себя или давно извѣстнымъ, или же не слушаютъ проповѣди просто потому, что, живя чисто мірскими воззрѣніями, не находятъ и искать не хотятъ въ своихъ духовныхъ запросахъ точки соприкосновенія съ излагаемымъ въ проповѣди. Но если сдѣланная нами характеристика свѣтскаго общества, въ его отношеніи къ церковному проповѣдничеству, слишкомъ сурова, если и среди лицъ свѣтскаго общества много такихъ, которые живо интересуются дѣломъ церковнаго проповѣдничества, то, безусловно соглашаясь съ этимъ, мы однако прибавляемъ, что и для такихъ лицъ церковная проповѣдь должна имѣть то же назначеніе, что и для простаго народа, — наученіе правиламъ истинной христіанской жизни по

библейскимъ урокамъ и повѣствованіямъ; и наши образованные классы общества далеко не такъ знакомы съ библейскими истинами, какъ это имъ самимъ кажется, а, слѣдовательно, и они нуждаются въ пастырскомъ изъясненіи христіанскихъ истинъ.

А если такъ, если таковъ наличный составъ слушателей пастырской проповѣди, то само собою разумѣется, что *идетъ навстрѣчу духовнымъ нуждамъ этихъ слушателей проповѣдь чисто изъяснительная*, касающаяся истинъ христіанскаго вѣро-и нраво-ученія въ ихъ церковномъ пониманіи, дающая жизненное руководство слушателямъ, которые и жаждутъ этого руководства.

Словомъ, *пастырь*, какъ всегда, такъ и теперь, для современнаго русскаго общества *долженъ являться истиннымъ носителемъ христіанскаго міровоззрѣнія*. И въ такомъ положеніи онъ въ чертахъ характера народа русскаго, въ сложившихся преданіяхъ и воззрѣніяхъ найдетъ очень удобную для себя почву. То вѣдь не безъизвѣстно, что русскій православный народъ всегда съ уваженіемъ смотритъ на пастыря, какъ на проповѣдника иныхъ воззрѣній, чѣмъ какими живетъ міръ, и этотъ взглядъ хранится въ громаднѣйшемъ большинствѣ нашего общества доселѣ (отъ пастырей, конечно, зависитъ поддерживать и укрѣплять этотъ вѣрный взглядъ); пастыри для всѣхъ классовъ общества являются представителями иного міровоззрѣнія (не мірскаго), проповѣдниками новой жизни (въ противоположность мірскимъ понятіямъ о жизни). Истовый пастырь всегда пользуется великимъ уваженіемъ своихъ пасомыхъ. Пастырь, увлекающійся свѣтскими привычками и понятіями, далеко не отъ всѣхъ слышитъ одобренія,—на него смотрятъ странно, не понимая, какъ же его считать, какъ идти къ нему за разъясненіемъ вопросовъ внутренней духовной жизни. И съ этой стороны пастырю Церкви предстоитъ вся необходимость пользоваться этою благопріятною для него почвою для сѣянія истинъ христіанскаго міровоззрѣнія, не смущаясь насмѣшками надъ „буйствомъ о Христвѣ“ его проповѣди, не смущаясь тѣмъ, что многіе изъ слушателей, соблазняясь якобы непомѣрными требованіями христіанскаго нравоученія, не находятъ въ себѣ силы вмѣстить всю высоту христіанскихъ истинъ, но твердо зная, что возвращаетъ сѣмое благодать Божественная, она находитъ и сердца, открытыя для пониманія сѣмаго. „Ключи текутъ, поучаетъ св. І. Златоустъ, хотя бы никто не черпалъ изъ нихъ, и родники

источаютъ воду, хотя бы никто не бралъ ея, и рѣки бѣгутъ, хотя бы никто не пилъ изъ нихъ; такъ и проповѣдникъ, хотя бы никто не внималъ ему, долженъ исполнить все, что отъ него зависитъ. Не убѣдилъ я сегодня, но завтра, можетъ быть, успѣю убѣдить; можетъ быть, послѣ завтра, или еще въ послѣдующій затѣмъ день... И рыбаки закидываетъ цѣлый день понапрасну, но къ вечеру уловляетъ рыбу, уходившую отъ него цѣлый день (1 бесѣда о Лазарѣ)“. И такъ, настоящее проведеніе истинъ христіанскаго міровоззрѣнія, вотъ что требуется и отъ современнаго пастыря въ его проповѣднической дѣятельности. Но наши лжеученія? Наши пашковцы, штундисты, молокане, послѣдователи графа Л. Толстого и т. п.? Какъ къ нимъ долженъ относиться пастырь-проповѣдникъ?

Самый страшный грѣхъ челоѣка-христіанина, не имѣющій прощенія, по словамъ Самого Господа, ни въ жизни сей, ни въ будущей,—это хула на Духа Святаго (Мѣ. XII, 31—32). Благодатными дарами Святаго Духа христіанинъ совершаетъ свое спасеніе; пренебреженіе благодатными дарами, преложеніе ихъ въ скверну—вотъ хула на Духа Святаго. Жизненное исполненіе заповѣдей евангельскихъ возможно для христіанина только при благодатной помощи Духа Святаго; христіанинъ, отвергающій заповѣди Христовы въ своей жизни, хулитъ Святаго Духа. *Хула* (на Духа Святаго), говоритъ св. Григорій Богословъ въ словѣ „къ пришедшимъ изъ Египта“, *не Богословствованіе, но отчужденіе отъ Божества*. Слѣдовательно, пастырю въ его проповѣднической дѣятельности первая и главнѣйшая обязанность предстоить быть бдительнымъ стражемъ жизни своихъ пасомыхъ, удерживать ихъ отъ грѣха вѣчнаго, будить въ нихъ непрестанное стремленіе къ жизни по Христу и во Христѣ. И какая бы ни была видимая причина появленія въ нашемъ отечествѣ современныхъ лжеученій, внутренняя причина необходимо заключается въ *развратной волѣ челоѣка*, которую пастырь долженъ исправлять, направляя свое проповѣдническое слово на изъясненіе той истины, что неправильная жизнь необходимо влечетъ за собою и неправильную вѣру, какъ и неправильная вѣра влечетъ за собою и худую жизнь. „Когда жизнь становится достойною осужденія, говоритъ св. І. Златоустъ, тогда возникаетъ такое же ученіе. И можно видѣть многихъ, которые ниспали отъ этого въ бездну грѣховъ и совратились въ язычество. Ибо они, чтобы не терзаться страхомъ будущаго, стара-

ются убѣдить себя въ душѣ, что всѣ наши угрозы ложны“ (5 бес. на 1 посл. къ Тим.). „Вѣра, говорить тотъ же св. отецъ, имѣеть нужду въ помощи и присутствіи Духа, чтобы ей оставаться непоколебимой; а помощь Духа обыкновенно подается за чистую жизнь и доброе поведеніе. По сему, если мы желаемъ имѣть твердую вѣру, то должны вести чистую жизнь, которая и располагаетъ Духа пребывать въ насъ и поддерживать силу вѣры. Невозможно, подлинно невозможно, чтобы проводящій нечистую жизнь не колебался и въ вѣрѣ“ (бес. 1 на 9—13 ст. IV гл. 1 посл. къ Коринѣ.). Отсюда очевидна полная необходимость пастырю всѣ силы употреблять на возвышеніе нравовъ своей паствы, чтобы чрезъ паденіе нравовъ не быть горькимъ свидѣтелемъ отпаденія чадъ Церкви Христовой отъ своей матери.

Далѣе: современнымъ лжеученіямъ никакъ нельзя отказать въ той (ложно направленной) искренности, съ какою они ищутъ новой жизни, выходя въ этомъ исканіи не изъ неправильности того или иного пункта вѣроученія православной Церкви, но изъ нехристіанскаго образа жизни многихъ современныхъ русскихъ, — христіанъ только по имени. А если такъ, если современные лжеученія, съ одной стороны, показываютъ въ держащихся этихъ лжеученій извращенную, неохристіанизованную волю горделиваго человѣка, если, съ другой стороны, они своимъ появленіемъ свидѣтельствуютъ о современномъ, часто языческомъ, образѣ жизни русскихъ христіанъ, то на что же долженъ обращать свое слово современный пастырь, защитникъ чистаго христіанскаго міровоззрѣнія?

Пастырь, какъ стражъ своей паствы (Езек. III, 17), несомнѣнно, долженъ быть чутокъ ко всѣмъ явленіямъ религіозно-нравственной жизни своихъ пасомыхъ и притомъ быть такого убѣжденія, что ложное вѣроученіе рано или поздно, при помощи Божіей, дружными работами пастырей, исчезнетъ: „Заблужденія, говорить св. I. Златоустъ, хотя сначала и успѣвають, но до конца не остаются. Таково все то, что не по существу своему хорошо, а только кажется хорошимъ; оно на время успѣваетъ, а потомъ обнажается и погибаетъ“ (8 бес. на 2 посл. къ Тим.); поэтому пастырь въ своей проповѣднической дѣятельности въ отношеніи разнаго рода явленій религіозно-нравственной жизни своего прихода долженъ поступать такъ, чтобы явленія положительнаго характера развивать до идеаль-

ной высоты христіанскаго міровоззрѣнія (посланіе св. апостола Павла къ Филипійцамъ), чтобы въ явленіяхъ отрицательнаго характера отыскивать хорошую сторону (вѣдь нѣтъ жи безъ доли истины) и, взявши ее, очистить и смѣло и дерзновенно разогнать тьму и ложь ученія свѣтомъ Христовой истины (рѣчь св. апостола Павла въ Аѳинскомъ ареопагѣ); отсюда въ выборѣ предметовъ для проповѣди пастырь долженъ строго сообразоваться съ запросами современнаго общества, т. е. преимущественное вниманіе обращать на тѣ именно стороны міровоззрѣнія христіанскаго, которыя наиболѣе затемнились, омірщились въ сознаніи общества, не дать развиваться этой темнотѣ, чтобы впослѣдствіи не было конца и совершенно худаго. Въ этомъ, и болѣе ни въ чемъ, и должна состоять современность проповѣдничества; а по характеру своему оно должно быть на вѣки таково, какимъ дано оно въ словѣ Божіемъ и въ твореніяхъ свв. отцовъ и учителей Церкви. Оставаясь современной, наша *проповѣдь должна быть пастырски—экзегетической*. Къ такому характеру проповѣди приведетъ пастыря и его собственное внутреннее чувство, если онъ будетъ, какъ мы говорили, а) горѣть „огнемъ“ благодатнымъ о славіи Божіей и б) истиннымъ носителемъ христіанскаго чистаго міровоззрѣнія. Чрезъ слово Божіе самъ получивши христіанское воспитаніе, онъ экзегетикой слова же Божія будетъ воспитывать и своихъ пасомыхъ. А для нашего русскаго общества настала пора, и давно уже, слушать пастырскую экзегетику. Распространеніе грамотности среди простаго народа, дающее ему возможность самому читать Библию, обращеніе къ Библии лучшихъ представителей нашего образованнаго общества для рѣшенія вопросовъ религіозно-нравственной области,—это такія явленія, которыя прямо обязываютъ пастыря заняться библейскою экзегетикой; не то сами пасомые стануть экзегетировать по своему, какъ экзегетируетъ Л. Толстой, истины нагорной бесѣды Спасителя и другія евангельскія истины, какъ экзегетируютъ пашковцы, штундисты и др. сектанты. Вѣдь то не безызвѣстно, что въ громаднѣйшей части нашего общества положительно отсутствуетъ знаніе Св. Писанія въ томъ именно смыслѣ, чтобы Библия для каждаго читающаго ее явилась не простою книгою, удовлетворяющею только любознательность человѣка, но *книгою жизни*, какъ она и есть въ дѣйствительности¹⁾. Экзегезисъ библейскихъ понятій

¹⁾ Да и трудно этого требовать отъ современнаго общества, когда въ на-

въ картинахъ современной нравственной жизни, вотъ что желательно отъ современныхъ проповѣдей. Слово библейское не простое понятіе, но съ каждымъ словомъ въ Библии соединяется множество помятій, цѣлое море мыслей, каждая черта слова Божія написана для нравственнаго возрожденія человѣка. А между тѣмъ, благодаря почти совершенному отсутствію у насъ пастырской (направленной на внутренняго человѣка) экзегетики, громаднѣйшая масса библейскихъ понятій остается для читающихъ Библию областью совершенно темною, и слѣдовательно, чтеніе Библии поэтому для религіознаго воспитанія человѣка-христіанина даетъ несравненно менѣе того, что можетъ давать. Библейскія понятія такъ далеки отъ насъ по времени, такъ темны для нашего европейски образованнаго ума, что они часто являются въ нашемъ сознаніи съ такимъ содержаніемъ, которое навѣяно имъ прямо совнѣ, а никакъ не съ такимъ, какое соединяли съ ними Богодухновенные писатели.

Догматическія и нравоучительныя истины слова Божія являются часто для изучающихъ эти истины по имѣющимся руководствамъ такими сухими и безжизненными, что характеръ вѣчной живучести трудно въ нихъ и увидѣть; отсюда понятія: „паденіе, грѣхъ, искупленіе, оправданіе, вѣра добрыя дѣла“ и т. д., остаются еще далеко невыясненными въ смыслѣ опять нравственно-воспитательнаго значенія этихъ понятій, такими они остаются въ школахъ, такими и извѣстны обществу.

Дѣло пастырскаго проповѣдничества также и въ томъ заключается, чтобы экзегетически выяснитъ эти понятія при свѣтѣ Божественныхъ писаній и церковнаго преданія, выяснитъ такъ, чтобы у слушателей эти понятія запечатлѣлись такъ сильно, что при одномъ только воспоминаніи объ этихъ понятіяхъ Св. Писанія невольно сердца ихъ или содрагались трепетомъ при сознаніи своей грѣховности, или же изливались въ благодарственныхъ чувствахъ къ Господу, дивно проявляющему на всемъ мірѣ и на каждомъ человѣкѣ въ отдѣльности Свою неизреченную благодать (см. подобныя выраженія чувствъ въ дневникѣ о. Іоанна Кронштадтскаго). И тутъ снова вся необходимость пастырю-проповѣднику глубокаго изученія слова Божія и об-

шихъ духовныхъ школахъ Св. Писаніе является въ большинствѣ случаевъ *только наукою, необходимою для богословскаго образованія.*

ращенія къ той литературѣ, которая вѣчно жизненна, которая еще не знала схоластики и понимала Св. Писаніе въ его отношеніи именно ко внутреннему человѣку. Жившіе въ то время, когда истины христіанскаго міровоззрѣнія всецѣло охватывали собою все нравственное существо человѣка, когда христіанскія понятія глубоко проникали собою всю жизнь христіанина, свв. отцы¹⁾ и представляютъ въ своихъ твореніяхъ истинный образецъ должнаго отношенія къ слову *Божію, живому и дѣйственному*, по опредѣленію св. апостола Павла, *острѣйшему всякаго меча обоюду остраго, проникающему до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, и судящему помысленія и намѣренія сердечныя* (Евр. IV, 12); и проповѣдническая то экзегетика должна обратиться къ тому, чтобы показать вѣчно глубокое, жизненное значеніе каждой черты словесъ Божественныхъ, обращать каждую іоту Св. Писанія ко внутреннему человѣку, возрождающемуся и обновляющемуся дѣйствіемъ слова Божія (Іак. I, 18; I Кор. IV, 15; Іоан. XV, 3 и др.).

Когда я приходилъ къ вамъ, братія, пишетъ св. апостоль Павелъ Коринѣянамъ, приходилъ возвѣщать вамъ свидѣтельство Божіе не въ превосходствѣ слова, или премудрости. Ибо я разсудилъ быть у васъ не знающимъ ничего, кромѣ Іисуса Христа и притомъ распятаго. Только истины христіанскаго вѣроученія преподавалъ своимъ слушателямъ обошедшій всю вселенную св. апостоль; только проповѣдью о Христѣ распятѣ разгонялъ онъ тму языческихъ заблужденій. Въ этомъ громаднѣйшій урокъ пастырямъ на все времена земнаго существованія. Только Христосъ и спасеніе во Христѣ должны быть предметомъ пастырской проповѣди. Только экзегетика слова Божія должна исходить изъ устъ пастыря съ церковной кафедры.

Если наша проповѣдь приметъ, сообразно съ этими словами апостола и подобно отеческимъ твореніямъ, пастырски—экзегетическій характеръ, та сама по себѣ она и будетъ жизненна, поскольку вѣчно жизненно само слово Божіе,—она будетъ дѣйствена, по-

¹⁾ Незамѣнимыя, въ смыслѣ руководства для пастыря—проповѣдника, творенія св. І. Златоуста и творенія отечественнаго пастыря—экзегета св. Тихона Задонскаго наиболѣе должны пользоваться вниманіемъ желающихъ быть добрыми проповѣдниками: здѣсь и принципиальная сторона христіанской экзегетики и предметная.

сколько будет *растворена солию* (Кол. IV, 6),—она и будет тѣмъ, чѣмъ должна быть по своей идеѣ. Она и будетъ апологетична, но постольку, поскольку будетъ изображать высокіе идеалы христіанства параллельно идеаламъ мірской сектантской и т. п. жизни, касаясь этихъ внѣшнихъ идеаловъ такъ, чтобы ихъ кажущаяся правдоподобность поблекла предъ вѣчною свѣтлою истиною слова Божія. Она и будетъ воистину „буйствомъ“ о Христѣ, по сколько содержаніемъ ея будутъ не внѣшнія, мірскія воззрѣнія, не внѣшняя мудрость, но такія истины, которыя ветхимъ человѣкомъ принимаются только подъ особымъ воздѣйствіемъ благодати Божественной; она будетъ „буйствомъ“ о Христѣ, поскольку пастыри-проповѣдники въ своей дѣятельности будутъ исходить изъ той мысли, что спасеніе человѣка не въ силахъ человѣка только, но что *сила Божія въ немощи совершается* (2 Кор. XII. 9), слѣдовательно не только краснорѣчіемъ проповѣдника, не его только личными трудами создается спасеніе пасомыхъ, но помощью всеильной благодати Божественной. При такихъ условіяхъ проповѣдь наша очистится отъ всякихъ наносныхъ элементовъ внѣшней мудрости, предметомъ ея будутъ нескончаемыя истины христіанскаго міровоззрѣнія. Жалобы пастырей на то, что нѣтъ предмета для проповѣди, въ ихъ же самихъ глазахъ окажутся неосновательными и смѣшными: христіанство неисчерпаемо. Тогда слово пастыря-экзегета и будетъ сопровождаться именно такимъ дѣйствіемъ, что пасомые его сами же будутъ видѣть, что не въ пастырѣ вина ихъ худой жизни; сами они, чрезъ слово пастыря, будутъ судить себя, сами будутъ видѣть, истинныя ли они овцы двора сего, или же овцы заблудшія. Именно тогда проповѣдь будетъ съ такимъ внутреннимъ дѣйствіемъ, какое приписываетъ св. апостоль, въ ранѣ приведенномъ нами изреченіи, *слову Божию живому и дѣйственному... судящему помысленія и намѣренія сердечныя*; она будетъ созидать *совершеннаго Божія человека, ко всякому благому дѣлу приготовленнаго* (2 Тим. III, 16—17).

VIII.

„Аще мы духовная съяхомъ вамъ, велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожемъ; аще ины власти вашае причащаются, не паче ли мы; но не сотворихомъ по области сей: но вся терпимъ, да не прекращеніе кое дамы благовѣствованію Христову [1 Кор. IX, 11—12]“.

О, божественный Павелъ! Чѣмъ глубже вдумываешься въ твое небесное ученіе, тѣмъ выше намъ представляется твоя чистая, святая душа, какъ душа воистину несравненнаго учителя всей вселенной до скончанія вѣка! Какъ высокъ твой образъ, какъ великаго преемника Пастыреначальника и Господа, какъ дивнаго пастыря святой Христовой Церкви! По каждому твоему реченію мы узнаемъ въ тебѣ *человѣка во Христа, который (въ тѣлѣ ли, вѣн ли тѣла—Богъ знаетъ) восхищенъ былъ до третьяго неба...., въ рай, и слышалъ неизреченныя слова, которыхъ человеку нельзя пересказать* (2 Кор. XII, 2—4), ибо твое ученіе не есть ученіе человѣка, а воистину ученіе небесное, ученіе райское; твоя жизнь «въ твоей человѣческой немощи» не есть жизнь человѣка простаго, но сильнаго Божественною благодатію; твои дѣла—дѣла человѣка, съ которымъ всегда Богъ. Зная немощь человѣческую, ты оказываешь и ей должное попеченіе, но самъ въ жизни своей остаешься выше этой немощи; показывая намъ наше несовершенство, ты указываешь въ своей жизни примѣръ полнаго усовершенствованія, какъ удѣлъ особо избранныхъ. Постараемся мы понять и это выписанное нами твое реченіе, чтобы извлечь изъ него пользу и для нашей немощи.

Въ выписанномъ нами реченіи св. апостоль Павелъ, очевидно, касается способа содержанія пастырей, которыхъ, по мыслямъ св. апостола, должны питать ихъ пасомые. Считаая дѣло благовѣстника, духовнаго сѣятеля, дѣломъ несравненной важности предъ тѣми дарами, которые даютъ ему для его содержанія его пасомые, св. апостоль прямо говорить, что то, что даютъ пасомые благовѣстникамъ, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что они получаютъ отъ благовѣстниковъ: *если мы поспѣяли въ васъ духовное, велико ли то, если пожемъ у васъ тѣлесное?* Онъ считаетъ

ту или иную матеріальную помощь пастырямъ прямою обязанностью пасомыхъ, поскольку пастыри, употребляя все свое время на тѣ или иныя нужды своихъ пасомыхъ, имѣютъ очень небольшую возможность доставить себѣ необходимое для пропитанія. „Какой воинъ, говоритъ онъ, служитъ когда либо на своемъ содержаніи? Кто, насадивъ виноградъ, не ѣстъ плодовъ его? Кто, пася стадо, не ѣстъ молока отъ стада?... Если другіе имѣютъ у васъ власть, не паче ли мы?... Развѣ не знаете, что священнодѣйствующіе питаются отъ святилища? что служащіе жертвеннику берутъ долю отъ жертвенника? Такъ и Господь повелѣлъ проповѣдующимъ Евангеліе жить отъ благовѣствованія (1 Кор. IX, 7, 12—14)“.

Но, указавши такой совершенно естественный и утвержденный повелѣніемъ Самого Господа способъ содержанія лицъ духовнаго званія, св. апостоль Павелъ, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, показываетъ „путь превосходнѣйшій“, и этимъ самымъ говоритъ ясно, что тотъ способъ еще несовершенный: „однако мы, говоритъ онъ про себя и Варнаву, продолжая свою рѣчь далѣе, не пользовались сею властію (властію питаться на средства своихъ духовныхъ дѣтей), но все переносимъ, чтобы не поставить какой преграды благовѣствованію Христову... Но я, говоритъ онъ далѣе, не пользовался ничѣмъ таковымъ (способомъ жить на счетъ благовѣствованія). И написалъ это не для того, чтобы такъ было для меня. Ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожилъ похвалу мою. Ибо если я благовѣствую, нечѣмъ мнѣ хвалиться; потому что это необходимая обязанность моя, и горе мнѣ, если не благовѣствую. Ибо если дѣлаю это добровольно, то буду имѣть награду; а если не добровольно, то исполняю только вѣренное мнѣ служеніе. За что же мнѣ награда? За то, что проповѣдую Евангеліе, благовѣствую о Христі безмездно, не пользуясь моею властію въ благовѣствованіи. Ибо будучи свободенъ отъ всѣхъ, я всѣмъ поработилъ себя, дабы больше приобрести. Сіе же дѣлаю для Евангелія, чтобы быть соучастникомъ его (15—23)“.

Не трудно видѣть, что св. апостоль Павелъ въ данномъ мѣстѣ своего посланія къ Коринтянамъ, говоря, съ одной стороны, о томъ, что нѣтъ никакого грѣха, когда пастыри получаютъ средства жизни отъ своихъ пасомыхъ и считая это совершенно естественнымъ и согласнымъ съ повелѣніемъ Господнимъ, указываетъ, съ другой сторо-

ны, для пастырей особый образъ жизни, рисуя въ своемъ лицѣ и поведеніи пастыря, всецѣло отданнаго обязанности благовѣствованія, до того отданнаго, что даже этотъ, согласный съ повелѣніемъ Господа, способъ жизни пастыря считаетъ недостаточнымъ для полнаго успѣха Евангельской проповѣди. „Однако мы не пользовались этою властію, но все переносимъ, чтобы не поставить какой преграды благовѣствованію Христову“. Заботы о благовѣствованіи, объ успѣхахъ проповѣди Евангельской, вотъ что должно стоять, по мыслямъ апостола, выше всего для пастыря Церкви. Таковъ св. Павелъ и вездѣ; вездѣ онъ заботится только объ успѣхѣ благовѣствованія, остальное—все для него внѣшнее, и должно идти въ жертву высшему, единственно истинному, вѣчному. „Для Иудеевъ, пишетъ онъ, я былъ какъ Иудей, чтобы приобрести Иудеевъ; для подзаконныхъ былъ какъ подзаконный, чтобы приобрести подзаконныхъ; для чуждыхъ закона какъ чуждый закона (не будучи чуждъ закона предъ Богомъ, но подзаконенъ Христу), чтобы приобрести чуждыхъ закона. Для немощныхъ былъ какъ немощный, чтобы приобрести немощныхъ: для всѣхъ я сдѣлался всѣмъ, чтобы спасти, но крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ (1 Кор. IX, 20—22)“. Таковъ онъ въ своемъ поведеніи: гдѣ надо было (для успѣховъ же проповѣди) совершить надъ своими спутниками обрѣзаніе, онъ совершалъ, хотя и считалъ бесполезнымъ, по существу, этотъ обрядъ для тѣхъ, кто обрѣзанъ обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ, совлеченіемъ грѣховнаго тѣла плоти, обрѣзаніемъ Христовымъ, бывъ погребенъ съ Нимъ въ крещеніи (Кол. II. 11—12). Самъ апостоль стригъ волосы себѣ, по обѣту (Дѣян. XVIII, 18), приносилъ іудейскую жертву и исполнялъ другіе ветхозавѣтные обряды (Д. XXI, 20—26) не потому, что считалъ это полезнымъ для себя и необходимымъ, но потому, что видѣлъ въ этомъ пользу для проповѣди.

Таковъ же св. Павелъ и въ своихъ посланіяхъ. Разсуждая, на примѣръ, о щцѣ, онъ прямо говоритъ, что „щца не приближаетъ насъ къ Богу; ибо ѣдимъ ли мы, ничего не приобретаемъ; не ѣдимъ ли, ничего не теряемъ (1 Кор. VIII, 8)“; или: „я знаю и увѣренъ въ Господь Иисусъ, что нѣтъ ничего въ себѣ самомъ нечистаго; только считающему что либо нечистымъ, тому нечисто (Рим. XIV, 14)“; или: „кто ѣстъ, не уничижай того, кто не ѣстъ; и кто не ѣстъ, не осуждай того, кто ѣстъ; потому что Богъ принялъ его... Всякій

поступаи по удостовѣренію своего ума (XIV, 3, 5)“. Но, разсуждая о пищѣ такимъ образомъ, св. апостоль тѣмъ не менѣе, когда видитъ, что изъ-за употребленія и разсужденій о родахъ пищи гибнуть многіе немощные, находитъ въ этомъ явленіи прямое разрушеніе Христовой заповѣди о любви: „Если за пищу огорчается братъ твой, то ты уже не по любви поступаешь. Не губи твоею пищею того, за кого Христось умеръ. Да не хулится ваше доброе. Ибо царствіе Божіе не пища и питіе, но праведность и миръ и радость въ Святомъ Духъ... И такъ будемъ искать того, что служитъ къ миру и взаимному назиданію. Ради пищи не разрушай дѣла Божія. Все чисто, но худо человеку, который ѣстъ на соблазнъ. Лучше не ѣсть мяса, не пить вина и не дѣлать ничего такого, отъ чего братъ твой претыкается, или соблазняется, или изнемогаетъ (Рим. XIV, 15—21)“. Или: „Берегитесь однако, чтобы эта свобода (въ пищѣ и родахъ пищи) ваша не послужила соблазномъ для немощныхъ. Ибо если кто нибудь увидитъ, что ты, имѣя знаніе, сидишь за столомъ въ капищъ, то совѣсть его, какъ немощнаго, не расположитъ ли и его ѣсть идоложертвенное? И отъ знанія твоего погибнетъ немощной братъ, за котораго умеръ Христось. А согрѣшая такимъ образомъ противъ братьевъ, и уязвляя немощную совѣсть ихъ, вы согрѣшаете противъ Христа. И потому, если пища соблазняетъ брата моего, не буду ѣсть мяса во вѣкъ, чтобы не соблазнить брата моего [1 Кор. VIII, 9—13]“. Или: „все мнѣ позволительно, но не все назидаетъ [X, 23]“. Словомъ, въ разсужденіяхъ и своемъ поведеніи каждый христіанинъ, по мыслямъ св. апостола, вездѣ долженъ руководствоваться не своими только личными взглядами, не желаніемъ своей только выгоды и пользы, но желаніемъ принести пользу своимъ братьямъ, что св. апостоль и выразилъ кратко въ своемъ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ, говоря: „никто не ищи своего, но каждый пользы другаго (X, 24)“. Поэтому, разумѣется, совершенно въ общемъ согласіи съ характеромъ св. апостола находятся и его слова о томъ, что онъ и въ образѣ своей жизни и добываніи средствъ для жизни стоитъ на той же необыкновенно высокой точкѣ зрѣнія, на каковой онъ является вездѣ въ своихъ словахъ и поступкахъ. Извѣстна всѣмъ трогательная любовь св. апостола Павла къ филиппійцамъ, которыхъ онъ въ своемъ посланіи именуетъ *братіями своими возлюбленными и возделанными,*

радостью и вѣнцомъ своимъ (IV. 1), воспоминаніе о которыхъ всегда вызывало у апостола благодарственныя чувства къ Богу (I, 3). И св. апостоль, будучи твердо увѣренъ, что ихъ матеріальная помощь, ему оказываемая, доставитъ имъ только радость и не вызоветъ съ ихъ стороны какой либо нечистой мысли, съ удовольствіемъ и благодарностью принимаетъ отъ нихъ ихъ подаванія: „Я весьма возрадовался, пишетъ онъ имъ изъ Рима, въ Господь, что вы уже вновь начали заботиться о мнѣ... Говорю это не потому, что нуждаюсь, ибо я научился быть довольнымъ тѣмъ, что у меня есть... Вы хорошо поступили, принявши участіе въ моей скорби... Вы и въ Фессалонику и разъ и два присылали мнѣ на нужду. Говорю это не потому, чтобы я искалъ даянія; но ищу плода, умножающагося въ пользу вашу. Я получилъ все, и избыточествую; я доволенъ, получивъ отъ Епафродита посланное вами, какъ благовонное куреніе, жертву пріятную, благоугодную Богу. Богъ мой да восполнитъ всякую нужду вашу, по богатству Своему въ славу, Христомъ Іисусомъ (IV, 10—11, 14, 16—19)“.

Такъ же и въ другихъ обстоятельствахъ, гдѣ и когда принятіе подаванія могло вызвать какой либо соблазнъ, или препятствіе для проповѣди, св. апостоль отказывался отъ всякаго рода даяній, какъ о томъ онъ говоритъ неоднократно. Скинотворецъ для добыванія себѣ средствъ къ жизни—онъ дѣланіемъ палатокъ и находилъ себѣ пропитаніе. „Внимайте себѣ и всему стаду, говоритъ онъ въ трогательной прощальной рѣчи къ Ефесскимъ пресвитерамъ, въ которомъ Духъ Святый поставилъ васъ блюстителеми, пасти церковь Господа и Бога, которую Онъ пріобрѣлъ Себѣ кровію Своею... Бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами училъ каждаго изъ васъ... Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни отъ кого не пожелалъ. Сами знаете, что нуждамъ моимъ и нуждамъ бывшихъ при мнѣ послужили руки мои сіи. Во всемъ показалъ я вамъ, что такъ трудясь, надо поддерживать слабыхъ, и памятовать слова Господа Іисуса; ибо Онъ Самъ сказалъ: блаженнѣе давать, нежели принимать (Д. XX, 28, 31, 33—35)“. Подобное же мы находимъ и въ его посланіи первомъ къ Фессалоникійцамъ (куда, какъ мы знаемъ, посылали два раза помощь Филиппійцы): „Никогда, пишетъ онъ, не было у насъ предъ вами... видовъ корысти: Богъ свидѣтель!... Ибо вы помните, братія, трудъ нашъ и

изнуреніе: ночью и днем работая, чтобы неотяготитъ кого изъ васъ, мы проповѣдывали у васъ благовѣстіе Божіе (II, 5, 9)". А въ занимающемъ насъ изреченіи св. апостола Коринѳянамъ находится и полное поясненіе причинъ поступковъ апостола и въ томъ (у Филиппійцевъ) и въ другихъ (у Ефесянъ и Солунянъ) случаяхъ. Вездѣ и во всемъ руководствуется онъ небесною любовію, вездѣ и во всемъ заботится онъ объ успѣхахъ благовѣствованія. Боится соблазна тамъ, гдѣ можетъ быть произведенъ соблазнъ; не боится его, когда увѣренъ, что соблазна не будетъ.

О чемъ говоритъ этими своими примѣрами и ученіемъ св. апостоль намъ, современнымъ пастырямъ?

Разумѣется, во первыхъ, о томъ, что мы только можемъ благоговѣнно удивляться апостольскимъ подвигамъ великаго Христова благовѣстника и представлять его жизнь какъ бы недосыгаемымъ образцомъ для насъ самихъ.

Но, какъ и всякій идеальный образецъ, примѣръ св. апостола, его убѣжденія должны понуждать насъ по мѣрѣ силъ идти по пути, указанному намъ самимъ апостоломъ. Поэтому, во вторыхъ, благоговѣнно удивляясь св. апостолу, мы должны приближаться въ той или иной степени, по своей жизни, по своей дѣятельности пастырской къ жизни и дѣятельности великаго апостола, — тѣмъ болѣе, что св. апостоль, рисуя свою жизнь, даетъ намъ въ своихъ посланіяхъ и побужденія и указанія, почему онъ въ томъ или иномъ случаѣ поступилъ такъ, а не инымъ образомъ. Подражаніе св. Павлу поэтому возможно, въ той или иной мѣрѣ, всякому, а для пастыря Церкви оно прямо необходимо. Св. І. Златоустъ въ заключительныхъ словахъ своей послѣдней бесѣды на посланіе къ Римлянамъ говоритъ о необходимости подражать и учиться у св. апостола Павла такимъ образомъ: „И Павелъ былъ человѣкъ, и онъ имѣлъ одинакое съ нами естество, и все прочее было у него общее съ нами. Но поелику явилъ онъ великую любовь ко Христу, то взошелъ превыше небесъ и сталъ съ ангелами. Потому, ежели мы захотимъ хотя нѣсколько вознестись и возжечь въ себѣ этотъ огонь, то возможемъ подражать св. апостолу. А если бы это было невозможно, то не восклицалъ бы Павелъ: „подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу (I Кор. IV. 16)". Итакъ не дивитесь ему только будемъ, не изумляйтесь только предъ нимъ, но и подражать ему, дабы по отшествіи отсюда удо-

стоиться намъ узрѣть его и участвовать въ неизреченной славѣ“. Какъ уже мы сказали, трудность подражанія для насъ, пастырей, жизни святаго апостола значительно облегчается тѣмъ, что апостоль Павелъ даетъ намъ и руководственныя начала, изъясняющія намъ его тѣ или иные поступки. И въ выписанномъ нами изреченіи св. апостола о томъ, что онъ самъ, считая согласнымъ съ повелѣніемъ Господа тотъ образъ жизни пастырей, по которому „служители слова“ должны находиться на иждивеніи своихъ пасомыхъ, отказывается однако отъ этихъ средствъ къ жизни и предпочитаетъ добывать средства къ жизни своими трудами, —самимъ же апостоломъ указывается и его внутреннее побужденіе и причины, почему онъ поступаетъ въ данномъ случаѣ такимъ именно образомъ. „Мы не пользовались сею властію, говоритъ онъ, но все переносимъ, дабы не поставить какой преграды благовѣствованію Христову“. Вотъ въ чемъ заключается руководственное правило св. апостола: *дабы не поставить какой преграды благовѣствованію Христову*. На первомъ планѣ у св. апостола Христова Евангеліе, успѣхъ проповѣди, а все прочее должно подчиняться этому главному, зависѣть отъ него. Съ этой точки зрѣнія должны, по нашимъ мыслямъ, разрѣшаться и всѣ современные намъ вопросы о способахъ содержанія священнослужителей.

Эти вопросы давно составляютъ предметъ разнаго рода статей въ нашихъ духовныхъ журналахъ; навстрѣчу запросамъ духовенства и радѣющихъ объ улучшеніи быта духовенства идетъ правительство, по мѣрѣ средствъ желающее облегчить часто дѣйствительно бѣдное положеніе приходскаго духовенства. Но разрѣшается ли этими правительственными пособіями вопросъ о дѣйствительномъ способѣ содержанія духовенства? Онъ, разумѣется, можетъ быть разрѣшенъ правительственными пособіями и согласно съ ученіемъ слова Божія [одинъ приходъ содержитъ одного священника, большій приходъ — двухъ, городъ — десять, пятнадцать, государство — все потребное количество пастырей], такъ какъ все равно пасомые даютъ часть своихъ доходовъ [„тѣлесная“) на содержаніе всѣхъ пастырей своего государства, а уже государство распредѣляетъ ихъ между современными пастырями [сѣющими „духовная“, — и пастыри и въ этомъ случаѣ находятся на иждивеніи своихъ пасомыхъ. Качественной разницы здѣсь нѣтъ,

но это все въ такомъ только случаѣ, если правительство дастъ такое обезпеченіе духовенству, такъ чтобы духовенству уже вовсе не приходилось [за неимѣніемъ нужды] брать съ своихъ прихожанъ за совершеніе той или иной требы. Но этого вѣдь ждаты очень долго,—да и разрѣшится ли все таки этимъ вопросъ? Въ настоящее время, какъ всѣмъ извѣстно, пособіе священникамъ отъ правительства не измѣняетъ совершенно положенія дѣлъ: духовенство и тамъ, гдѣ получается опредѣленное содержаніе отъ правительства, получаетъ со своихъ прихожанъ особую плату за исполненіе ихъ приходскихъ нуждъ, слѣдовательно, и здѣсь духовенство должно становиться лицомъ къ лицу все съ тѣмъ же вопросомъ, не происходитъ ли какого препятствія въ дѣлѣ благовѣствованія чрезъ эту поручную плату за совершеніе требъ. Это явленіе можно объяснить отчасти тѣмъ, что правительственное пособіе далеко еще не достаточно для безбѣднаго существованія духовенства, и безъ платы прихожанъ послѣднему жить стало бы очень трудно. Но мы говоримъ далѣе о томъ, что вообще трудно представить намъ въ настоящее время [да и во всякое—до конца міра], чтобы когда либо настала такая пора, когда бы пасомые сами не платили пастырямъ за ихъ личные для пасомыхъ труды; такъ что вопросъ этотъ, думается, на вѣки долженъ предстать пастырю Церкви, какъ вопросъ очень важный въ пастырскомъ дѣланіи вообще. Какъ избѣжать того, чтобы чрезъ получку средствъ къ жизни отъ пасомыхъ не дать какого-либо препятствія Христову благовѣствованію?

Разумѣется, нѣтъ совершенно никакой нужды сколько нибудь говорить о томъ, что вымогательство отъ прихожанъ есть явленіе совершенно не желательное, по скольку непремѣнно влечетъ за собою неуваженіе пасомыхъ къ своимъ пастырямъ, т. е. влечетъ за собою то именно препятствіе Христову благовѣствованію, положить которое такъ боялся св. апостоль Павелъ и котораго долженъ непремѣнно бояться каждый пастырь Церкви.

Но представимъ себѣ совершенно не корыстолюбиваго пастыря, для котораго вымогательство въ томъ или иномъ видѣ прямо является нравственно недозволительнымъ, противнымъ его душевному складу явленіемъ. Какъ человекъ, имѣющій тѣ или иныя тѣлесныя или семейныя нужды, онъ беретъ со своихъ пасомыхъ то, что ему предлагается, какъ нестяжательный, онъ бѣдныхъ совѣмъ не обреме-

няетъ, отправляя имъ службы бесплатно, или за малое вознагражденіе, или отдавая даже имъ то, что получилъ съ состоятельныхъ. Быть можетъ, такой пастырь неповиненъ въ томъ, что онъ даетъ препятствіе Христову благовѣствованію? Но и здѣсь надо имѣть то, всѣмъ извѣстное явленіе, что среди пасомыхъ одни даютъ духовенству за ихъ труды съ легкимъ сердцемъ, съ удовольствіемъ, съ радостью, какъ сѣющимъ имъ „духовная“, такъ что воздать „тѣлесными“ имъ кажется даже очень малымъ,—и они, помимо внѣшней платы, благодарятъ пастыря отъ души за его труды; но на ряду съ такими очень много пасомыхъ другаго рода, которые и малую плату считаютъ для себя бременемъ не потому, чтобы имъ тяжело было платить, но просто потому, что считаютъ они деньги для духовенства какъ бы отданными напрасно, потому что самый трудъ пастыря считаютъ и очень легкимъ и какъ бы бесполезнымъ для нихъ; разумѣется, полученіе платы съ таковыхъ пасомыхъ даетъ прямое препятствіе Христову благовѣствованію, поскольку таковые люди смотрятъ на духовенство, какъ на такое сословіе, которому должно только платить деньги. Въ этомъ же явленіи,—невымогательномъ полученіи платы за труды,—надо, по нашему мнѣнію, видѣть еще одну вредную для пастыря сторону въ его собственномъ духовномъ ростѣ. Мы имѣемъ здѣсь въ виду слѣдующее: пастырь, получая за свои труды ту или иную, но во всякомъ случаѣ неопредѣленную, плату, находится въ той опасности, что въ немъ могутъ совершенно незамѣтно для него начаться и развиваться корыстолюбивыя желанія, особенно если онъ будетъ имѣть много домашнихъ нуждъ. Разсчитывая, напр., со своего извѣстнаго прихожанина получить за ту или иную потребу столько то, онъ вдругъ получаетъ меньше, и невольно у него является, допустимъ, въ очень незначительной степени и на короткое время недовольство на этого своего прихожанина,—а это уже не хожденіе по любви, это уже жилка корыстолюбія, и она, благодаря такимъ мелочамъ, можетъ развиваться до большихъ размѣровъ. Приходскіе пастыри понимаютъ это настроеніе, и надо быть очень и очень бдительнымъ и всегда христіански настроеннымъ, чтобы избѣжать этого великаго вреда для пастырскаго дѣланія. Нѣтъ достаточной бдительности,—и пастырь, даже не худой, становится отчасти корыстолюбцемъ.

Вѣдь какъ это ни больно, но надо признать большую справедлив-

вость тѣхъ обвиненій, которыя слышатся изъ усть не недруговъ нашихъ, но искреннихъ любителей священства, каковыми являются Кронштадтскій пастырѣ, о. Іоаннъ и С. А. Рачинскій. Первый, въ своемъ обращеніи къ русскому духовенству, напечатанномъ въ „С.-П. Духовномъ вѣстникѣ“, говоритъ слѣдующее: „Можетъ ли священникъ предлагать попеченіе о душахъ, имѣя пристрастіе къ земной славѣ..., къ земной красотѣ—плотской, къ земнымъ сокровищамъ, къ деньгамъ? Не можетъ: ибо кто можетъ работать двумъ господамъ?... Камень претыканія для иного священника приглашеніе со стороны прихожанъ съ Св. Тайнами къ больному человѣку, особенно бѣдному, да еще часто приглашающему; онъ смущается, раздражается, иногда приказываетъ привести его въ церковь, лѣнясь ходить къ нему въ жилище его убогое. Между тѣмъ, по Евангелію, священнику надо усердно желать послужить охотно больному, или бѣдному, искать случая послужить ближнему съ радостью, какъ Самому Христу, ибо сказано: „*болель бѣхъ и прїидосте ко Миѣ*“. Отъ чего происходитъ такое поведеніе священника? Отъ его самолюбія, гордости, плотоугодія, самоугодія, сытости, любостыжанія, корыстолюбія, лицепрїятія, лѣности, духовнаго неразмышленія и немыслія... Къ людямъ знатнымъ поспѣшно и съ радостью идемъ, чая вознагражденія за трудъ; а отъ бѣдныхъ готовы отворачиваться и отворачиваемся, или неохотно и съ огорченіемъ идемъ, не чая воздаянія отъ нихъ, хотя Богъ воздалъ бы во сто и тысячу кратъ больше, чѣмъ люди. На обѣды спѣшимъ съ радостью и вообще на утѣшеніе плотское, а къ бѣднымъ и убогимъ съ ропотомъ, принужденіемъ, нерѣдко съ досадою. О, самолюбіе! о, гордость! о, тщеславіе! о, извращеніе порядковъ и уставовъ Божіихъ! Будучи разумны, поступаемъ, какъ неразумные, и будучи словесны, поступаемъ хуже безсловесныхъ!“ Въ этихъ словахъ достоуважаемаго пастыря слышится сердечный вопль, искреннее предостереженіе всѣмъ намъ, пастырямъ, не увлекаться матеріальною помощью, оказываемою намъ, какъ должное, нашими пасомыми, чтобы не быть намъ дѣйствительными корыстолюбцами, предпочитаая богатыхъ прихожанъ бѣднымъ и забывая свою святую обязанность быть всѣмъ для всѣхъ.

Достопочтенный С. А. Рачинскій, по справедливости, долженъ быть причисленъ къ нашимъ вѣрнымъ соработникамъ по дѣлу церковно-народнаго образованія; онъ искренно любитъ духовенство, отъ духо-

венства ждеть и видить великое благо для народнаго просвѣщенія, какъ поборникъ церковно-приходской школы, онъ всѣми силами хотеть, чтобы духовенство стояло на высотѣ своей задачи, которая возложена на него правительствомъ. И вотъ онъ, желая дать духовенству посильный совѣтъ, указаніе всѣмъ намъ, въ своихъ извѣстныхъ статьяхъ, отпечатанныхъ въ „Русскомъ Обзорѣніи“, говорить о томъ, чего мы, пастыри, должны особенно избѣгать, чтобы не быть соблазномъ для своихъ пасомыхъ. И одинъ изъ недостатковъ, присущихъ духовенству, по мнѣнію С. А. Рачинскаго, и есть корыстолюбіе. Ошибочно, разумѣется, думать, что корыстолюбіе вошло въ плоть и кровь духовнаго званія, какъ таковаго, такъ какъ нельзя же въ самомъ дѣлѣ думать, чтобы оканчивающій среднюю или высшую духовную школу и готовящійся стать въ ряду пастырей, уже самъ по себѣ былъ корыстолюбивъ; здѣсь уже прямо должно сказать, что такіе юноши—исключеніе, какъ бывають такыя и среди юношей другихъ званій. Но что со временемъ и у молодаго пастыря можетъ развиться корыстолюбіе—это несомнѣнно, но, конечно, въ томъ только случаѣ, если онъ вовремя не замѣтитъ, какой онъ опасности подвергается, обращая вниманіе на то, кто и сколько далъ ему за его требоисправленіе. Поэтому, по нашему мнѣнію, духовенству не оскорбляться должно искренними совѣтами Сергѣя Александровича, а благодарить за его указанія и, принявши къ свѣдѣнію то, что эта черта, какъ несомнѣнно, является соблазнительной въ жизни духовенства, употребить всѣ усилія на борьбу съ этимъ глубоко пагубнымъ недостаткомъ, ибо въ немъ (даже если онъ не будетъ замѣченъ пасомыми) заключается прямо нравственная порча, которая должна сказаться въ успѣхѣхъ благовѣствованія, какъ препятствіе этому успѣху. Достоуважаемая редакція „Церковныхъ Вѣдомостей“, безъ всякихъ поясненій приведши выдержки изъ статей г. Рачинскаго, думается, ничѣмъ инымъ руководилась въ этомъ перепечатываніи, какъ тѣмъ только, чтобы довести до всеобщаго свѣдѣнія духовенства, какъ на него будетъ смотрѣть свѣтское общество, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, если оно не предприметъ борьбы съ тѣми недостатками, которые сильно претятъ нашимъ пасомымъ.

Такимъ образомъ, пастырю Церкви, въ размышленіяхъ объ указанномъ изреченіи св. апостола Павла и въ желаніи слѣдовать содержающемуся въ немъ ученію, должно всѣми силами искоренять въ

себѣ и всякую тѣнь корыстолюбія, какъ такого страшнаго порока, который, по словамъ св. апостола, „*корень всѣхъ золъ, — ему предавшишь, некоторые уклонились отъ веры и себя подвергли многимъ скорбямъ* (I Тим. VI, 10)“. Замѣчательно въ этомъ опредѣленіи сребролюбія у апостола то, что оно находится въ пастырскомъ посланіи, а также и то, что, сказавши о вредѣ корыстолюбія и о томъ, что христіанину надо быть довольнымъ, когда онъ имѣетъ *пропитаніе и одежду, что великое прибрѣтеніе — быть благочестивымъ и довольнымъ* (6, 10), св. апостоль заключаетъ эти свои мысли слѣдующимъ трогательнымъ обращеніемъ къ св. Тимофею: „*Ты же, человекъ Божій, убъгай сего, а преуспѣвай въ правдѣ, благочестіи, вѣрѣ, любви, терпѣніи, кротости; подвизайся добрымъ подвигомъ вѣры, держись вѣчной жизни, къ которой ты и признанъ, и исповѣдалъ доброе исповѣданіе предъ многими свидѣтелями* (11—12)“. Слѣдовательно, мудрый апостоль, увидавши необходимость разсужденія о вредѣ сребролюбія заключить такимъ трогательнымъ обращеніемъ къ пастырю Ефесской церкви, этимъ самымъ ясно предупреждаетъ и всѣхъ пастырей отъ увлеченія этой страстью, — побѣждать ее *преуспѣваніемъ въ правдѣ, благочестіи, вѣрѣ, любви, терпѣніи и кротости* и размышленіями о вѣчной жизни.

Чтобы найти въ себѣ силы подражать апостолу и его послѣдователямъ въ ихъ полной нестяжательности, намъ, пастырямъ, надо прежде всего найти въ себѣ силы, чтобы не овладѣло нами корыстолюбіе, и, если къмъ овладѣло, то бороться съ этою страшною язвою нашего всего пастырскаго дѣланія всѣми силами.

Вымогательство отъ прихожанъ, въ какой бы то ни было формѣ, совершенно не должно имѣть мѣста въ нашемъ пастырскомъ служеніи, какъ великій соблазнъ для нашихъ пасомыхъ. Должны мы, пастыри, всѣми силами побѣждать въ себѣ возникающее въ насъ, хотя рѣдко и не надолго, недовольство на то, когда мы получаемъ за свои труды меньше, чѣмъ ожидали. Должны мы, пастыри Церкви, съ сочувствіемъ относиться къ бѣднякамъ своего прихода, не только не требуя съ нихъ платы за наши труды, но и помогая имъ изъ нашихъ средствъ, по нашей возможности. Это все будетъ начало борьбы съ корыстолюбіемъ, какъ средства предупредительныя къ появленію въ насъ этой страсти: *царство Божіе силою берется*, и поэтому усилія должно употреблять въ совершеніи всего указаннаго.

Какъ уже говорили мы, видѣть полное обезпеченіе правительствомъ духовенства не удастся ни намъ, ни дѣтямъ нашимъ; точно также непремѣнно всегда будетъ существовать, по желанію пасомыхъ, и поручная плата духовенству; слѣдовательно, всегда будетъ и есть почва для развитія въ пастыряхъ корыстолюбія, какъ соблазна для пасомыхъ. Мудрость, которая дается намъ, пастырямъ, въ благодати священства, пусть не оскудѣваетъ въ насъ и дастъ намъ возможность зорко видѣть, гдѣ наше взиманіе съ пасомыхъ не принесетъ вреда Христову благовѣствованію (помощь матеріальная апостолу Павлу отъ Филиппійцевъ прямо является чистымъ даромъ отъ благодарныхъ дѣтей своему отцу и учителю), и гдѣ принесетъ непремѣнно (у Ефесянъ и Солунянъ апостоль Павелъ все необходимое имѣлъ отъ дѣлъ рукъ своихъ); а за эту мудростію должно слѣдовать нудительное изволеніе наше, чтобы избѣгать праведнаго Христова осужденія за производимый нами соблазнъ. Мы будемъ, можетъ быть, бѣднѣе отъ этого, но совѣсть наша будетъ спокойна, но „Господь нашъ, какъ говорить о. Іоаннъ, воздастъ бы намъ во сто, тысячу кратъ больше, чѣмъ люди“; мы, быть можемъ, и много потерпимъ отъ этого, но благовѣствованіе Христово, вѣренное намъ, будетъ имѣть меньше препятствій къ своему распространенію.

Вѣчное спасеніе пасомыхъ (вѣдь извѣстно, что изъ за корыстолюбія,—можетъ быть, и не дѣйствительнаго, а мнимаго—духовенства, между прочимъ, многіе во всѣ времена отдѣлялись отъ единенія съ Церковью и тѣмъ самымъ приготовляли себѣ вѣчную погибель) и успѣхъ благовѣствованія должны у насъ, у всѣхъ пастырей, стоять на первомъ планѣ, какъ они стояли у великаго Христова апостола. Быть можетъ, поступаая такимъ образомъ, мы и не дойдемъ до полной Павловой нестяжательности, но—одному дано пять талантовъ, другому—два, иному—одинъ, и каждый, по мѣрѣ дарованій, пусть трудится, чтобы совершенно искоренить въ себѣ и тѣнь сребролюбія и корыстолюбія. Если мы, пастыри, будемъ плакаться на свою бѣдность, на возможность оставленія своихъ семействъ безъ хлѣба, то что мы будемъ требовать отъ своихъ пасомыхъ? Какъ мы можемъ тогда изъяснять пасомымъ слова Христовы: *„не пецуйтеся душою вашею, что ясте, или что пите, ни тѣломъ вашимъ, во что облечетеся. Не душа ли болши есть пищи, и тѣло одежды... Ищите же прежде царствія Божія и проводы его, и сія вся приложатся*

вамъ (Мѡ. VI, 25—34)^а и этому подобныя Евангельскія изреченія? Не зазрѣть ли намъ совѣсть наша? Не учить ли другому пасомыхъ нашихъ наше личное стремленіе къ наживѣ? Какъ мы можемъ проповѣдывать полное подчиненіе путямъ Промысла Божія, когда сами дѣломъ не показываемъ этого и т. п.?

Словомъ, много мудрости надо пастырю Церкви, чтобы въ вопросѣ о средствахъ пропитанія себя и семейства своего не производить соблазна въ сердцахъ пасомыхъ, чтобы не дать какого препятствія Христову благовѣствованію. Обращеніе и частое размышленіе о великомъ Павлѣ да дастъ намъ, его молитвами, потребную силу для прохожденія великаго нашего служенія во спасеніе нашей паствы и во успѣхъ Христова благовѣствованія.

(Продолженіе будетъ).

Свящ. С. Городцевъ.

Содержаніе № 17: *Часть оффиціальная*: Опредѣленія Святѣйшаго Синода. Назначеніе пенсій. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. Объявленіе отъ редакціи. *Часть неоффиціальная*: Поученіе въ день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня. Очерки по Грузинской церковной исторіи, *И. И. Перадзе*. Мысли пастыря о нѣкоторыхъ изреченіяхъ св. ап. Павла, относящихся къ пастырскому служенію, свящ. *С. Городцева*.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Гермогенъ*.

Печатать дозволяется. Тифл., 30 августа 1899 г. Ценз., прот. *Евстагій Еліевъ*.

Типогр. Е. И. Хеладзе, Лор.-Мелик. ул., д. Квашетск. церкви. Телеф. № 648.